

Вторник, 6 февраля 1951 г., № 11 (1295).

*Концерты и исполнители***Мастер вокального искусства**

Закончился данный М. Александровичем в Большом зале Московской консерватории цикл, состоящий из пяти сольных концертов.

Обширна, многообразна и содержательна была программа этого цикла. Романсы Варламова и Гуриледа, Глинки и Римского-Корсакова, Рахманинова и Чайковского, оперные арии Сметаны и Монюшко, Чилеа и Леонкавалло, Россини и Галевы, венгерские, румынские, словацкие, болгарские, польские, негритянские, испанские, неаполитанские песни — немногие певцы решатся на исполнение столь различных по характеру произведений!

Большая часть из них была исполнена певцом ярко, выразительно, с глубоким проникновением в авторский замысел. Как и всегда, особенно удалось ему сочинения Леонкавалло и близких к нему по стилю композиторов, а также неаполитанские, негритянские и испанские песни. Исполнению известной негритянской колыбельной «Спи, мой бэби», серенады Арлекина из оперы Леонкавалло «Пяцы» и многих других сочинений было превосходным. Каждая фраза, каждая интонация звучали поэтично, с той чарующей прелестью и естественностью, которая всегда является результатом длительного «вживания» исполнителя в содержание произведения.

В этих жанрах Александрович показал себя подлинным мастером художественно совершенного пения. Впрочем, высокое профессиональное мастерство, непрерывное повышение его уровня, мастерское владение выразительными возможностями своего голоса являются определяющей чертой его исполнительского облика в целом. Именно благодаря упорному, неустанному творческому труду он сумел создать свой обширный и многообразный репертуар, превратить голос в выразительнейший музыкальный «инструмент», способный извлечь сотни обаятельно-красивых звучаний, научиться постигать содержание самых разнообразных музыкальных произведений. Песни почти десяти различных национальностей прозвучали в его отчетном цикле, и почти все они были исполнены так, что слушатели с восторгом требовали повторения.

Превосходно поет М. Александрович многие произведения русского му-

зыкальной классики. «Колыбельная песня» и «Средь шумного бала» Чайковского, «Я помню чудное мгновение» Глинки, «На заре ты ее не буди» Варламова и некоторые другие сочинения прозвучали у него тонко и поэтично.

Но в трактовке Александровичем русской классической музыки есть еще и спорные моменты. Простота и искренность выражения чувств, столь характерные для музыки русских классиков, иногда подменяются у него щеголянием эффектными звучаниями, мягкая лирика превращается в сентиментальность, душевный порыв — в мелодраматический надрыв. Чаще всего это происходит потому, что Александрович включает в свой репертуар произведения, не соответствующие характеру его голоса. Разве можно, обладая красивым по тембру, но небольшим лирическим тенором, исполнять, например, «Весенние воды» Рахманинова? Это неизбежно приводит к пению через силу, к неестественности выражения.

Вообще нужно сказать, что Александрович чрезмерно расточительно расходует свой голос. Это выражается не только в пении сочинений, предназначенных скорее для лирико-драматического, чем для лирического тенора, но и в исполнении огромных программ, выдержать которые без переутомления сможет далеко не всякий певец. Второй и третий концерты его цикла состояли из двух отделений, в каждом из которых он исполнял по 8—10 песен, романсов или оперных арий в сопровождении симфонического оркестра, не считая 5—6 произведений, исполняемых «на бис». Правда, на первый взгляд кажется, что Александровичу это ничего не стоит. Звук у него летится легко и свободно. Нужно внимательно вслушиваться в его пение, чтобы обнаружить в конце концерта отдельные признаки усталости: блеклость некоторых интонаций, неоправданно частое применение фальцетных звучаний. Но все же Александровичу следует обратить на это внимание.

Говоря об Александровиче-певце, нельзя не упомянуть и о его постоянном концертмейстере С. Райхенштейн. Она является подлинным мастером высокохудожественного аккомпанемента.

И. ЕВГЕНЬЕВ.